

Фрагмент из книги

Jutta Richter
Ich bin hier bloß der Hund

Mit Bildern von Hildegard Müller

Carl Hanser Verlag, München 2011
ISBN 978-3-446-23792-6

S. 11-26

**Ютта Рихтер/
Хильдегард Мюллер (Художник)**
Я всего-навсего ваш пес

Перевод Михаила Рудницкого

ГЛАВА ПЕРВАЯ

в которой я поначалу весьма приятственно нежусь на солнышке

Вот это, я понимаю, осенний денек!

Что за чертовски погожий осенний денек!

Вот уж действительно самая что ни на есть собачья погодка.

Солнце, теплое, как мамочкино молоко.

Теплое, как соски на мамочкином пузе.

И поел досыта.

И напился в охотку.

И поохотился вволю.

В этот раз уже совсем было сцапал, зайчишку-то.

Еще бы чуть-чуть.

Если бы мне не свистнули.

На долю секунды, а отвлекли.

Но они всегда так.

Только-только я, казалось бы, до цели дорвусь
- свисток.

Они особым собачьим свистком обзавелись.

Жуть, а не свисток!

Просто кровь стынет в жилах.

На самом деле зовут меня Брендон,

но они меня Антоном кличут.

Переименовали. Говорят,

Антон легче произносится, чем Брендон.

Выходит, слова выговаривать - тоже дело непростое.

Может, им из-за этого и свисток понадобился.

Им вообще недостает элегантности

и знания жизни.

Может, это все оттого,

что у них язык короче нашего...

Вы позволите, я представляюсь?

Итак, зовут меня Брендон,

и родом я из Венгрии.
Старинный собачий род.
Братьев моих зовут Бела, Братко и Бенце.
Только я давно потерял их из виду.
Так уж у нас, собак, заведено:
несколько недель всего - и поминай, как звали.
Нас разлучают,
и сразу все у тебя другое:
новый дом, новые хозяева, запахи новые.
Конечно, нам это нелегко,
ко всему привыкать заново,
но на то мы собаки, и умные,
чтобы уметь приспособиться,
и если все проходит благополучно,
то уже вскоре мы в новом доме
везде занимаем лучшее местечко.
А это самое главное.
Хочешь жить хорошо -
умей занимать лучшее местечко.
Сейчас, к примеру, лучшее местечко -
это садовая скамейка у входной двери.
Мягкая подстилка, немного солнца,
но и тенек есть.
Даже мухи сегодня не донимают.
В воздухе теплынь, легкий ветерок
навевает из дома прямо в нос запах жаркого,
и можно дремать, и видеть во сне
Венгрию, пушту, отары.
У нас такие стада были, огромные -
шесть пастушьих собак их стерегли!
Коровы венгерские степные,
мохнатые свиньи мангалица,
овцы рацка.
Мне особенно овцы рацка нравились.
У них рога витые, штопором
и физиономии важные-преважные.

И вид ужасно умный, ну мудрецы просто, но это только вид,
а на самом деле они глупые,
как все овцы,
и без пастушьих собак вообще бы пропали.
Мой дядюшка Ференц был лучше всех.
Не одну овцу спас.
Он даже с шакалами бился,
а степных рысей как гонял...
Вот это, я понимаю, жизнь!
Подстилка мягкая, немного солнца,
но и тенек.
Причем тенек расширяется, густеет, а...
У-й-й-й!
Опять подкралась!
И каждый раз вот этак!
Подкрадется незаметно, а потом как прыгнет!
И еще в прыжке когтищи свои как распустит!
Ножи, а не когти, и прямо мне в нос.
А больно-то как, просто в глазах темно...
Ни одно самое лучшее местечко на свете такой боли не стоит.
И все равно я не понимаю.
В конце концов, я первым это местечко занял,
в конце концов, это всё *мои* лучшие местечки.
И зачем только они эту кошку завели?
Ну зачем?
А я ведь был любезен, подошел поздороваться,
хотел обнюхать, лизнуть.
Как положено, как принято у нас в Венгрии:
нового соседа по дому полагается приветить.
Мол, ты к нему со всей душой
и учтиво проявляешь интерес.
А она что?
Маленькая такая, а шаром надулась, рычит, шипит,
даже плюется.
Но хвостом при этом виляет,
вроде как дружелюбно.

Как это прикажете понимать?
Ну ясное дело, поиграть хочет!
Я в ответ тоже виляю хвостом.
Она поднимает лапу. Ну и я поднимаю.
И вот тогда она выпускает свои когтищи
и со всей силы по носу мне - хватать!
И все это мгновенно, и боль - ну просто несусветная.
Я взвыл и со всех ног под тахту.
А она довольная такая сидит
и мою кровь с лапы сблизывает.
А потом на кресло вспрыгнула, -
на *мое* кресло, прошу заметить,
на *мое* местечко, -
в клубок свернулась и заснула.
С тех пор между нами война.
Причем я ведь стараюсь ей на глаза не попадаться,
так она сама ко мне подкрадывается!
Мне в этой войне в жизни не победить.
Она по деревьям лазает, с места на ограду вспрыгивает...
Я всегда внизу, она всегда вверху.
А когда я, надрываясь до хрипа, ее облаиваю,
прибегают хозяева и на меня же орут:
"Фу!", "Нельзя!", "На место!"
А эта тварь голову только наклонит и с самой невинной миной
начинает мяукать и мурлыкать,
и ее за это еще гладят и жалеют!
Ну просто хоть вой!
Они ее Мицци зовут.
Сама черная, глазищи желтые,
в темноте так и горят.
Ночью она на ограде сидит
и орет так, будто в нее
сам дьявол вселился.
Но ее крики почему-то хозяевам не мешают,
ей никто не говорит
"Фу!", "Нельзя!" и "На место!"

Может, это потому, что когда ее зовут
она в ответ мяукает, прибегает
и о ноги их трется.

Мой дядюшка Ференц постоянно нам напоминал:
с кошками надо держать ухо востро.
Он говорил, что все они от степной рыси происходят,
а черные из них самые мерзкие.
Они, мол, величиной с пантеру могут вырасти,
и если их вовремя на место не поставить,
они и овец начнут задирать.
Az okosabb enged, - гласит
наша венгерская поговорка.
Az okosabb enged. Кто умней - уступит.
У меня выбора нет - я умней.
Но эта боль!
Но позор поражений!
Опять она вверху.
А я опять внизу.
Она растянулась на моей садовой скамейке.
На лучшем моем местечке!
И притворяется, будто заснула,
а сама лапу как бы невзначай вниз свесила
прямо над моей головой, чтобы я мог видеть,
как она когти свои острющие
то выпустит, то обратно в мягкие подушечки спрячет.
У нас в Венгрии ни одна домашняя кошка
себе бы такого не позволила.
В Венгрии все кошки свое место знают,
уж об этом-то дядюшка Ференц позаботился:
а место им на сеновале или в поле,
где им положено не спать, а часами сидеть, караулить,
покуда какую-нибудь захудалую мышь не словят!
Ну, а здесь - здесь совсем другие порядки.
Здесь дядюшки Ференца нету.
Меня здесь Антоном кличут, и в этой стране мне,

кроме как на себя, рассчитывать не на кого.
Не то чтобы я жалуясь.
В общем-то мне, можно считать, повезло.
В миске всегда полно еды, вода свежая,
а за хорошее поведение дают свиные уши,
сушеные, хрустящие, нежные.
И в доме, слава Богу, есть еще другие
лучшие местечки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой я представляю своих хозяев

Новые хозяева у меня добрые.
Хозяина зовут Фридберт.
Что нас объединяет, так это страсть к прогулкам.
В любую погоду и непогоду он бродит со мной
по лесу.
Конечно, ему за мной не поспеть,
ведь ходит-то он
всего на двух лапах,
поэтому и оттолкнуться для хорошего прыжка
толком не может.
Чтобы меня позвать, он берет с собой
этот треклятый собачий свисток,
который я изо всех сил стараюсь не слушать.
И то сказать - в пастушьих собаках Фридберт
смыслит немного.
Ведь мы для чего рождены?
Охранять большие стада!
Стада коров венгерских степных,
мохнатых свиней мангалица,
и, конечно, овец рацка.
Овцы те вообще только травку хрупают
и блеют,
потому как глупые.

Не имеют понятия,
где север, где юг,
и без нас вообще бы пропали.
Ведь пуста, наша венгерская степь,
это самый бескрайний край на свете!
Там тебе и шакал водится, и хорь степной,
там степная рысь обитает и даже
енотовидная собака.
Там хоть неделю подряд в одну сторону беги -
никуда не добежишь.
Ни заборов тебе, ни границ,
ни лесов, ни человеческого жилья.
Только трава-мурава, зеленая, сочная,
изредка, в чистом поле, колодец с журавлем,
ну и, если повезет, сараюшко заброшенный,
рига называется,
где ночью от дождя и ветра укрыться можно.
Зато небо там высокое, синее,
прямо как океан.
Вот под этим небом мы и живем,
держим нос по ветру,
чуем опасность,
денно и ночью обегая и оберегая стада.
Если скотина от стада отобьется,
мы гоним ее обратно.
И никакой собачий свисток нас не останавливает.
У нас это называется ответственность...
Но Фридберт называет это непослушанием.
Дал бы мне стадо овец -
вмиг бы понял, какое я сокровище.
Но он не дает, нет у него никакого стада...

У них тут вообще овец нету.
И шакалов они тут отродясь не видали.
А видали только уток да зайцев.
Зайцы - они для меня уж больно шустрые.

Я бы с удовольствием их в стадо согнал,
но они же скачут, петляют, в траве прячутся.
Это заячье племя вообще никакого порядка не знает.
Не говоря уж об утках.
Эти только сидят большими стаями и гогочут,
а стоит мне приблизиться - взлетают.
Причем не из-за меня, а из-за Фридберта
и свистка его дурацкого.
Ну как тут проявить ответственность?
Как показать, на что ты способен.
Еще раз повторяю:
Az okosabb enged. Кто умней - уступит.
Я умней, уж это-то точно.
И если Фридберта это радует, что ж,
я готов и команду "К ноге!" выполнить.
За это мне в награду
свиные уши полагаются.
А за свиные уши я почти на все готов.

Голос у Фридберта басовитый, а вот язык короткий.
Он вожак стаи.
Если я его послушаюсь,
значит, свиных ушей не получу,
тогда он, наоборот, *меня* за уши оттаскает.
А это почти так же больно,
как кошачьими когтями по морде.
Так-то вот...
Зато уж все остальные у меня по струнке бегают.
Стоит поскулить тихонько, хвостом вильнуть,
носом ткнуться - и они любую прихоть мою исполняют.

У хозяйки моей кличка Эмили.
У нее доброе сердце и нежный, приятный голос.
Она пасет на кухне стада кастрюль.
Она банки с моим кормом открывает.
Воду мне в миске меняет, а вечерами

ее руки пахнут куриной кожицей,
ливерной колбасой и даже ветчиной.
Стоит поскулить тихонько, хвостом вильнуть,
носом ткнуться -
и она тут же мне лакомый кусочек подсунет.
Тайком, разумеется, потому что Фридберт считает,
что всякое лакомство надо заслужить.
Так что Эмили вынуждена подкармливать меня незаметно,
а то, если Фридберт увидит, он, чего доброго, и её тоже за уши
оттаскает.
Хотя не знаю.
Я одно знаю: под столом мне надо лежать тихо
и только у Эмили в ногах.
Ведь мы, венгерские пастушьи собаки,
живем ради четырех вещей на свете:
ради овец рацка, свиных ушей,
куриной кожицы и ливерной колбасы.
Кто этим пахнет -
от того мы ни на шаг.
Кто этим пахнет -
того я буду охранять до конца дней.
Так что я не жалуясь, нет.
В общем и целом мне повезло.
Потому что Эмили понимает собачью душу,
а Фридберт пока что не научился
видеть сквозь кухонный стол.